

П.А. Мистрюгов*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ОРГАНОВ ВЧК НА МЕСТАХ

Деятельность чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем как структурное подразделение советской власти, обладавшее судебными-карательными функциями, всегда привлекала внимание исследователей. В изучении этой темы традиционно выделяется три этапа. На первом этапе, в 1920–1950-е гг., работы создавались в условиях военно-политического и идеологического противостояния Советской России и стран Запада. В связи с этим они носили преимущественно пропагандистский характер, были нацелены на обоснование выдающейся роли ВЧК в разгроме контрреволюции¹. Кроме того, в это время единственно возможной теоретической основой исследования было учение И.В. Сталина о социалистическом государстве и его функциях. На втором этапе, во второй половине 1950 – первой половине 1980-х гг., появились исследования, в которых описывались наиболее громкие операции, которые она проводила, затрагивались аспекты нормативно-правового оформления структуры². Итогом советского изучения темы стала разработка концепции причин возникновения ВЧК, основных целей и этапов ее деятельности. На третьем этапе, в конце XX – начале XXI вв., исследователи подвергли кардинальному пересмотру проблемы исторических причин создания и реорганизации ВЧК, стали анализировать методы ее карательной деятельности, соотношение законодательного и незаконного в осуществлении репрессий. На основе расширяющейся документальной базы стало возможным начать выявление роли ВЧК в системе органов власти и управления, действительных и надуманных угроз безопасности РСФСР³. В целом вопросы становления ВЧК и особенно деятельности местных ЧК, их взаимодействие с органами власти и управления, общественными организациями изучены недостаточно. Требуют рассмотрения вопросы формирования и функционирования чрезвычайных структур в первые годы советской власти, политические и ментальные аспекты их создания.

Самарская губернская чрезвычайная комиссия была образована 1 декабря 1918 г. В октябре–ноябре 1918 г. в Самарской губернии действовала фронтовая ЧК при штабе 4-армии. Переформирование фронтовой ЧК в губернскую было закончено лишь к 23 декабря 1918 г. согласно штатному расписанию, утвержденному II Всероссийской конференцией ЧК⁴. Судебное строительство в губернии, в частности организация ревтрибунала, как показывает анализ источников, «...затягивалось сознательно, дабы не стеснять деятельности ЧК, нуждающейся в известной свободе действий в борьбе с контрреволюцией ввиду прифронтового положения»⁵. В конце 1918–1919 гг. стали организовываться губернские и уездные аппараты СамгубЧК. Первый ее председатель И.Г. Бирн вопросам внутренней организации практически

* © Мистрюгов П.А. – студент V курса исторического факультета Самарского государственного университета, 2010

не уделял внимания, в результате чего аппарат ЧК пришел в крайнее расстройство и упадок: плохая организация разведки, запущенность и задержка дел, мягкость наказаний за контрреволюционные преступления. Возникла необходимость учредить постоянный действующий орган контроля над ГубЧК⁶. В ноябре–декабре 1919 г. началось реформирование губернской ЧК. Вторым председателем СамгубЧК Д.Г. Морозов провел ряд реорганизационных мероприятий, нацеленных на укрепление аппарата органов ЧК. В отделы ЧК были назначены его помощники для организации секретно-оперативного отдела, организованы столы информации и связи, информационных сводок и статистики, начался инструктаж и практическое обучение сотрудников оперативно-разведывательного отдела. Разведка была разбита на три группы: наружного наблюдения, внутреннего наблюдения и особых поручений⁷.

Создание и реорганизации уездных структур ЧК началось также в декабре 1918 г. Уездным ЧК было предоставлено право открыть отделения Комиссии и разбить уезды на несколько районов с назначением в них комиссаров⁸. В феврале 1919 г. было решено продолжить деятельность Бугурусланской уездной чрезвычайной комиссии⁹. К концу 1919 г. состояние уездных структур было крайне дезорганизованным: не были налажены связи с ГубЧК, отсутствовали реальные результаты работы. В связи с этим их деятельность была подвергнута губернским центром критике, упорядочены полномочия местных отделов. Для этого у чекистов отобрали широкие мандаты, разрешающие им обыски, аресты и т. д., запретили гоняться за мелкими спекулянтами и перегонщиками спиртосодержащих напитков¹⁰. Основные трудности в работе как губернской, так и уездных ЧК в 1918–1919 гг. были связаны с организационной и технической слабостью отделов, нехваткой кадров, низкой квалификацией работников¹¹. Весной–летом 1920 г. положение с кадровым обеспечением еще больше осложнилось¹².

Особую роль в организации и деятельности органов ЧК на местах играли партийные органы ВКП(б). В декабре 1918 г. сложились остроконфликтные взаимоотношения между Самгубкомом ВКП(б) и ГубЧК, когда Губком выразил недоверие ГубЧК и требовал замены ее состава, обвиняя последнюю в освобождении контрреволюционных элементов, расстрелах невинных людей, хаотическом ведении дел и следствия¹³. Тем не менее итогом противостояния стало мирное урегулирование всех противоречий, а дальнейшее сотрудничество развивалось по линии взаимоконтроля и обмена сотрудниками, осуществлялась совместная информационная деятельность для пресечения «вылазок контрреволюционных элементов». Одним из основных вопросов совместной деятельности было кадровое обеспечение ЧК. В январе 1919 г. на заседании фракции коммунистов /большевиков при СамгубЧК было постановлено «предложить президиуму СамгубЧК беспартийных на службу не принимать...»¹⁴. Сотрудников в ЧК направлял как губком, так и сами органы ЧК постоянно запрашивали сотрудников. Самгубком стал основным источником пополнения кадрами СамгубЧК по причине нехватки кадров в Центре¹⁵. В то же время СамгубЧК не всегда принимала присылаемых партий работников¹⁶.

Анализируя деятельность местных чрезвычайных структур в первые годы советской власти необходимо выделить не только причины их создания, но и социоментальные особенности функционирования. На начальных этапах становления советской государственности сказались не только идеологическое, но и организационное влияние радикальных партий – эсеров-боевиков, большевиков, стремившихся к революционному насилию. В связи с этим окружающая социальная и политическая реальность формировала довольно однозначные представления у молодой советской номенклатуры: либо «наши», либо «классовые враги». Кроме того, необходимо отметить фанатичную веру в правоту и важность осуществляемого дела – строительства нового справедливого общества.

Примечания

¹ Лацис М.Я. (Судрабс) Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Государственное издательство, 1921; Он же. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлением по должности. М.: Государственное издательство, 1920; Софинов П.Г. Страницы из жизни Ф.Э. Дзержинского. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1956.

² Кравченко В.Ф. Первые шаги ВЧК (новое о заговоре Локкарта) // Советское государство и право. 1967. № 3; Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» (1917– 1922 гг.). М.: Госуд. изд-во полит. литературы, 1960; Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М.: Изд-во полит. литературы. 1986; Портнов В.П. ВЧК 1917– 1922 М.: Юридическая литература, 1987.

³ Камалова Г.Т. Подразделения ВЧК-ГПУ-ОГПУ в системе органов государственной власти (1921– 1929 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11. № 2. 2009; Леонов С.В. Создание и реорганизация ВЧК // Исторические чтения на Лубянке 1997– 2007. М., 2008; Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: «Наука», 2000; Павлов, Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917– середина 1950-х годов М.: РОССПЭН, 1999; Голиков Д. Правда о врагах народа. М.: Алгоритм, 2006.

⁴ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1868. Оп. 2. Д. 3. Л. 14.

⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 32.

⁷ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 46.

⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 22– 23.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

¹⁰ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д.144. Л. 46.

¹¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 44– 45.

¹² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 125.

¹³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

¹⁴ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 24.

¹⁵ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 43.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 97, Л. 118, 126, 140.